

СТРОПИНКА

ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ДѢТЕЙ.

№ 16.

15 АВГУСТА

1909 г.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ IV.

Изданія журнала „ТРОПИНКА“.

С.-Петербургъ, Площадь Маринскаго театра, 6.

- А. Куприна.* „Слѣзь“ разсказъ для дѣтей съ иллюстраціями. Цѣна **25** к.
- Н. Манасеина.* Разсказы для дѣтей. Съ иллюстраціями художниковъ: *Т. Гиппиусъ, В. Замрайло, А. Линдеманъ, А. Мурашко, М. Сабашниковой, П. Соловьевой, (Allegro) и Е. Чичаговой.* Цѣна въ переплетѣ **1** р. **50** коп.
- П. Соловьевой (Allegro).* „Блѣка“. Стихи для дѣтей, съ рисунками автора, *Т. Гиппиусъ* и др. Цѣна въ переплетѣ **1** р., въ обложкѣ **50** к.
- Анатолий Франсъ.* „Пчелка“. Сказка. Переводъ *Н. Манасеиной.* Съ иллюстраціями. Цѣна **25** коп.
- М. С. Безобразовой.* „Исторія одного воробья“. Съ рисунками. Цѣна **25** к.
- В. П. Поливанова.* „Воронъ“—„Индѣйцы“. Съ иллюстраціями. Цѣна **25** к.

Новыя изданія журнала „ТРОПИНКА“.

- В. Малахѣва-Мировичъ.* „Золотой домъ“. Разсказы для дѣтей съ иллюстраціями. Цѣна въ переплетѣ **1** р. **50** к., въ обложкѣ **1** р.
- О. Бяляевская.* „Капель“. Стихи. Цѣна въ переплетѣ **75** к., въ обложкѣ **40** к.
- „Семилѣтнѣ“. Народныя сказки въ пересказѣ *П. Соловьевой (Allegro).* Съ рисунками. Цѣна въ переплетѣ **80** к., въ обложкѣ **50** к.
- Джэнъ Лондонъ.* „Вукъ“. (Исторія одной собаки). Переводъ *Н. Манасеиной.* Съ рисунками. Цѣна въ переплетѣ **75** к., въ обложкѣ **40** к.
- Allegro.* Открытки въ краскахъ. „Дѣти зимой“. Серія въ 12 открытокъ высылается черезъ редакцію за **40** к., подписчикамъ «Тропинки» за **25** к.
- Н. Манасеиной.* „На Рождествѣ“. Три разсказа для дѣтей съ рисунками: *Т. Гиппиусъ, Г. Нарбута и П. Соловьевой.* Цѣна въ переплетѣ **80** к., въ обложкѣ **50** к.
- П. Соловьевой (Allegro).* „Свадьба Солнца и Весны“. Пьеса въ стихахъ, съ рисунками. Цѣна **20** к.
- П. Соловьевой.* „Первое Апрѣля“. Комедія въ одномъ дѣйствіи. Цѣна **15** к.
- На выставкѣ «Искусство въ жизни ребенка» журналъ «Тропинка» получилъ за свои изданія малую золотую медаль.

Выписывающіе книги и открытки черезъ редакцію, за пересылку не платятъ.

1909 годъ.

Августъ № 16.

ЖУРНАЛЪ
ТРОПИИКА.

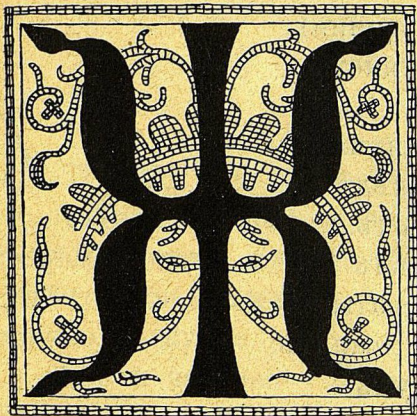

Содержаніе.

1. Мукъ и Тёсъ — (со Словинскаго) — стихотвореніе *Н. Новича.*
2. Въ Японію — повѣсть *Н. Оедорова-Дальмяго.* — (Продолженіе).
3. Кольца—разсказъ—*Е. Янъшиъ.*
4. Современникъ Пушкина—*Е. Шведера.*
5. Летучая мышь—*К. Соколова.* (Окончаніе).
6. Приключенія Алисы въ странѣ чудесъ — *Льюиса-Кэрроль.* (Продолженіе).

Мукъ и Тёсь.

ИЛТЪ когда-то карликъ Мукъ,
Ростомъ былъ онъ съ пядень,
Ни къ чему, бывало, рукъ
Не приложитъ за день.
Норовитъ съ утра весь день
Щеголять въ обновяхъ,
Шапку носить набекрень,
Ходитъ въ брюкахъ новыхъ

Куритъ пропасть табаку,
Бокъ на солнцѣ грѣеть,
А отецъ обѣдъ сынку
Варитъ, какъ умѣеть.
Старецъ дома круглый годъ,
Рукъ не покладаетъ,
А сынокъ, наоборотъ,
Вѣчно пропадаетъ.
На сто пядей разъ старикъ
Изъ дому уходитъ,
Мукъ же гномовъ, озорникъ,
Музыку приводитъ.
Запиликаль: „ти—ли—ли“
Тёсь, пріятель Мука,
Сами ноги въ плясъ пошли,
Гдѣ дѣвалась скука!
Веселятся безъ конца,
Бьютъ ногами объ-поль,

Каждый краснаго винца
Поль-ведра ухлопаль.
Тоть хохочеть безъ причинь,
Тоть изъ бочки тянетъ,
Плясовую то одинь,
То другой горланить.
Сонъ тогда лишь одолѣль
Гномовъ бородатыхъ,
Какъ востокъ уже алѣль
Межъ деревъ косматыхъ.
За столомъ скрипачъ храпитъ;
Гости—кто на стулѣ,
Кто въ углу, гдѣ кошка спить,
Мертвымъ сномъ уснули.
Возвращается старикъ—
— Чтобъ васъ разорвало!
Вонъ отсюда!...—Черезъ мигъ
Никого не стало.
Я тамъ тоже былъ въ гостяхъ,
Видѣль это племя;
Съ той поры въ моихъ ушахъ
Звонъ стоитъ все время.
Это было въ тѣ года,
Что давно уплыли,
На обухѣ рожь когда
Люди молотили.
Наши дни—еще вопросъ,
Лучшими ли будутъ,
Но той ночи Мукъ и Тёсъ
Долго не забудутъ!

Въ Японію.

VI.

УТРОМЪ море было въ туманѣ, въ немъ, какъ въ ватѣ, тонули всѣ звуки. Небо сѣрое, водянистое и висѣло оно совсѣмъ низко, около кончиковъ мачтъ. Пароходъ то-и-дѣло гудѣлъ, предупреждая встрѣчные пароходы. Кругомъ сумрачно и скучно.

Послѣ завтрака Марья Михайловна, Миша и Судзуки вышли на палубу, а бабушка осталась въ каютѣ: совсѣмъ разнемоглась.

— Вотъ въ такую погоду встрѣтиться съ другимъ пароходомъ — гибель. — Судзуки даже плечами передернулъ. — Давайте лучше сказкой займемся: не такъ страшно будетъ.

— Да я не боюсь,—сказалъ Миша.

— Ну, конечно—вы, вѣдь, будущій морякъ. Ну-съ, я продолжаю. Да, такъ вотъ, младшій братъ и сказалъ старшему:

— Ты больше никогда уже не приходишь на могилу отца?

Старшій съ раздраженіемъ отвѣтилъ:

— Развѣ я тебѣ не говорилъ, что это уже дѣло рѣшенное? Я посадилъ лилію забвенія и думаю, что садовникъ за ней хорошо ухаживаетъ: по крайней мѣрѣ я ему плачу не мало денегъ. А мнѣ самому нѣтъ времени и, по правдѣ сказать, я даже и вовсе забылъ обо всемъ этомъ.

Младшій братъ возразилъ ему:

— Жили мы вмѣстѣ, любя и почитая покойнаго отца, а теперь ты уже забылъ его. Но я его никогда не забуду. Я

посажу около его могилы астру—священный цвѣтокъ памяти—и самъ за нимъ буду ухаживать, самъ буду поливать его.

И онъ посадилъ астру—цвѣтокъ-памяти—и каждый день, приходя на кладбище, поливалъ его, подвязывалъ, обсыпалъ корни землею. И любовь младшаго брата къ покойному отцу не ослабѣвала, а, напротивъ, все усиливалась.

Прошло много лѣтъ. Однажды младшій братъ, по обыкновению, хлопоталъ около цвѣтовъ, когда онъ услышалъ голосъ, точно исходившій изъ-подъ могильнаго камня. Голосъ сказалъ ему:

— Я духъ, которому поручено стеречь кости твоего отца. Не бойся меня. Я буду оберегать тебя и буду покровительствовать тебѣ.

Однако младшій братъ такъ испугался, что отъ страха не могъ говорить и стоялъ, дрожа и заикаясь.

Голосъ между тѣмъ продолжалъ:

— Ты очень любишь своего отца и остаешься вѣренъ его памяти вотъ уже много лѣтъ. Старшій твой братъ тоже любилъ его; но онъ посадилъ лилію—цвѣтокъ забвенія, — и скоро память объ отцѣ исчезла у него. Ты посадилъ астру—священный цвѣтокъ памяти—и поэтому не забылъ отца.

Хотя я — духъ могущественный, но я милостивъ и буду помогать тебѣ и твоему дому до конца жизни твоей. Я обладаю даромъ знанія будущаго и, чтобы вознаградить тебя за твою сыновнюю любовь, я буду открывать тебѣ во время сна все, что тебя ожидаетъ.

Голосъ смолкъ, и младшій братъ ушелъ съ кладбища, изумляясь тому, что случилось.

Въ ту же ночь приснился ему сонъ. Увидѣлъ онъ во снѣ все, что ждало его на другой день. И каждую ночь стало ему сниться то, что приходило на утро. Духъ давалъ ему совѣты, какъ нужно ему поступать во всѣхъ этихъ случаяхъ.

Такъ былъ онъ вознагражденъ за свою вѣрность памяти отца и счастливо избѣгалъ всего дурного. Онъ вскорѣ разбогатѣлъ; счастье и удача сопровождали его во всѣхъ дѣлахъ.

VII.

— Все?—спросилъ Миша.

— Все.

— Ну, спасибо... Смотрите, господинъ Судзуки,—смотрите!

Туманъ быстро таялъ, свиваясь въ клубки; въ прорывѣ уже видно было голубое небо. Прошло какихъ-нибудь десять минутъ, и передъ пароходомъ лежало чистое, все въ лучахъ солнца, море, а остатки тумана темнѣли далеко позади лиловато-сѣрой неровной стѣной.

Изъ воды тамъ и здѣсь выскакивали тяжелые дельфины и снова падали; казалось, что край чернаго и блестящаго широкаго колеса выглянулъ на мгновенье. Какъ бумажныя стрѣлки, вырывались изъ воды летучія рыбы и, промчавшись сажени три, трепеща прозрачными, какъ у стрекозъ, крылышками—плавниками, опять исчезали подъ водой.

Сегодня было уже гораздо теплѣе, и воздухъ ласкалъ лицо и руки.

— Вотъ переходъ—наслажденіе одно!—сказалъ Судзуки.

Проходившій въ это время мимо помощникъ капитана вмѣшался въ разговоръ:

— Не хвалите погоду—еще сглазите.

И въ самомъ дѣлѣ, къ вечеру небо помутнѣло: стали развѣтываться въ немъ бѣлые, легкіе, какъ паутина, облачные вѣера и кисти.

То тотъ, то другой изъ матросовъ недовольно взглядывали вверхъ и качали головою.

— Не было бы тайфуна!—шептали они.

— А что такое тайфунъ?—спросилъ Миша.

— По-китайски это слово означаетъ „великій вѣтеръ“— отвѣтилъ Судзуки. — Такъ китайцы называютъ страшные бури-вихри, случающіеся лѣтомъ по восточному берегу Азіи. Огромный крутящійся столбъ воздуха, въ поперечникъ иногда болѣе тысячи верстъ, мчится надъ моремъ и сушей и разрушаетъ все на своемъ пути; какъ злой драконъ, выметаетъ землю и море своимъ колючимъ хвостомъ. Вы видѣли когда-нибудь лѣтомъ маленькіе пыльные вихри—они поднимаются на углахъ улицъ и крутятъ щепочки и соломинки? Вотъ такой же вихрь и тайфунъ, только увеличенный въ тысячи и тысячи разъ. Вашъ русскій писатель—Гончаровъ—сказалъ, что тайфунъ—это такой вѣтеръ, который все, что на берегу, бросаетъ въ море, а все, что въ морѣ, бросаетъ на берегъ. Вотъ, что такое тайфунъ.

— Страшно.

— Умѣлый капитанъ, встрѣтившись съ тайфуномъ, такъ направитъ пароходъ, что самой страшной своей частью средней, тайфунъ и не задѣнетъ, то есть не самой серединой, потому что, какъ это ни странно, а въ срединѣ тайфуннаго столба совсѣмъ тихо, и нѣтъ никакого вѣтра. Но около середины, подальше отъ краевъ, свирѣпствуетъ самая ужасная буря.

До вечера все оставалось тихо. Только воздухъ сталъ душнымъ и тяжелымъ, и густой зной прилегъ къ чуть колыхавшейся водѣ.

И казалось, что прилегло близко что то грозное и злое, притаилось, и вотъ бросится, вотъ прыгнетъ впередъ.

Миша рано ушелъ съ палубы. Его клонило ко сну; голова у него отяжелѣла. И, только что онъ легъ въ койку, сейчасъ же заснулъ глубоко-глубоко.

Проснулся уже ночью, проснулся оттого, что все кругомъ стучало, прыгало, качалось, бросалось изъ стороны въ сторону. Койка ползала вверхъ и внизъ и тащила за собой то голову, то ноги. Тѣло растягивалось, тѣло становилось узкимъ и плоскимъ, тѣло укорачивалось. Голова наливалась кровью, въ вискахъ стучало, какъ молотками... звякалъ графинъ; плескалась въ умывальникѣ вода; слышно было, какъ огромныя волны обрушиваются на палубу. „Тайфунъ“, — подумалъ Миша и ему стало страшно. Захотѣлось быть на берегу, въ своей кровати, которая не качается, не прыгаетъ, не скрипитъ и не мнетъ его, какъ эта несносная пароходная койка.

— Мама, мамочка, я боюсь, — крикнулъ онъ. И только хотѣлъ выпрыгнуть изъ койки, какъ ему вдругъ сдѣлалось ужасно нехорошо, закружилась голова, началась морская болѣзнь.

VIII.

Къ утру качка не уменьшилась.

Миша не могъ уже подымать головы, не могъ почти пошевелинуться и только шепталъ:

— Господи, скорѣе бы кончилось это, скорѣе бы берегъ...

Внизу, на нижней койкѣ ворчала бабушка.

— Вотъ... Ёхали... Нужно было... О, Господи Иисусе...

Только часамъ къ пяти послѣ обѣда размахи парохода стали уменьшаться и, наконецъ, совсѣмъ прекратились. Пароходъ пошелъ между островами. Въ иллюминаторы видны были теперь ихъ освѣщенные солнцемъ горбы.

Миша одѣлся. Руки у него все еще дрожали, и голова была тяжелая.

— Это пройдетъ, сейчасъ пройдетъ, — утѣшала его Марія Михайловна, — выйдемъ только на воздухъ.

На палубѣ ихъ встрѣтилъ Судзуки, улыбаясь и весело потирая руки.

— Здравствуйте, здравствуйте! Вотъ погодка-то была! А—ахъ... такія волны! Я всталъ ночью, нарочно всталъ и вышелъ посмотрѣть. Все время сверкали молніи, ревѣлъ вѣтеръ, и все было похоже на страшную сказку.

Кругомъ зеленѣли островки, покрытые сосновыми лѣсами и зарослями бамбука. Вокругъ деревень, ютившихся поближе къ морю, по скатамъ холмовъ подымались ступеньками поля.

— Сколько здѣсь труда человѣческаго положено!—говорилъ Судзуки, — сколько пота пролито! Эти ступеньки вырублены чуть не въ чистомъ камнѣ; по горстямъ ната-скана земля.

— А богато живутъ японцы?—спросила Марья Михайловна.

— Какое тамъ! Чуть живы. Земли мало. Крестьяне до того бѣдны, что вмѣсто одежды многіе изъ нихъ въ ненастье просто обвязываютъ вокругъ тѣла пуки соломы. Ъдятъ они только рисъ да соленыя овощи. И того немного. Ближе къ морю въ пищу прибавляютъ рыбы.

— А мясо ѣдятъ?

— Очень мало. И дорого оно, да и не любятъ японцы проливать кровь.

Съ береговъ пахло зеленью, разогрѣтой смолой сосенъ, цвѣтами. Было жарко, но не душно: буря очистила и освѣжила воздухъ.

Скоро пароходъ прошелъ совсѣмъ близко возлѣ крошечнаго, но высокаго островка.

— Это—Паленбергъ,—сказалъ Судзуки,—съ этой скалы въ старые годы сбросили однажды пятьсотъ человѣкъ христіанъ. Они всѣ убились объ острые камни внизу, а море размыло и разтаскало остатки ихъ тѣлъ. Это было давно. Теперь уже у

насъ за вѣру, не трогаютъ людей: пусть каждый вѣритъ, какъ ему совѣсть велить.

Загремѣвъ, упалъ въ воду якорь. Пароходъ остановился. Вокругъ бортовъ въ водѣ плавали, похожія на колпачки изъ самой тонкой кисеи, медузы. Ихъ было множество, и казалось, что вся вода живая и переливается въ глубинѣ студенистыми струями.

На паровомъ катерѣ къ пароходу приблизились японцы.

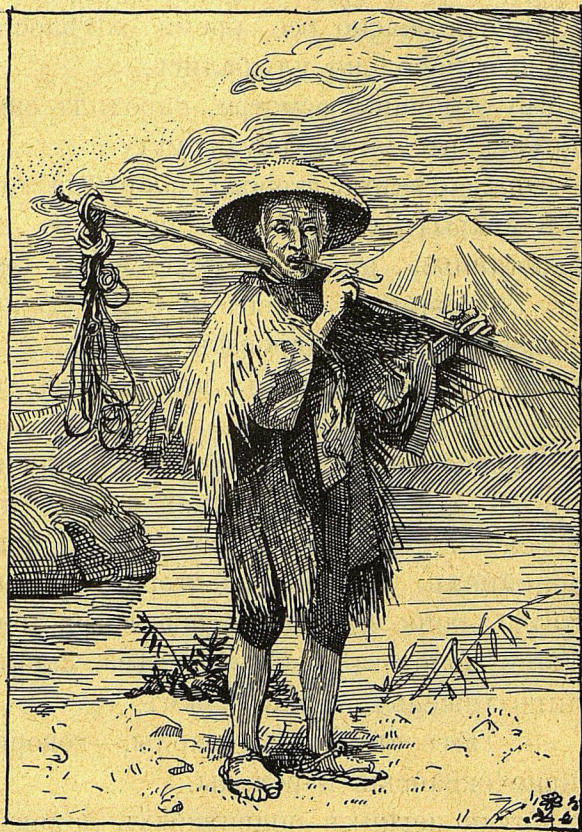
— Кто это?—спросилъ Миша у Судзуки.

— Докторъ — осматривать: нѣтъ ли больныхъ.

Все японцы очень небольшого роста и очень чистенько одѣты. Они все время улыбались и потирали руки, какъ будто чему-то были ужасно рады.

— Отчего это они такъ?—спросилъ Миша.

— Что — такъ?

Японскій крестьянинъ.

— Смѣются?

— Этого требуетъ японская вѣжливость.

Пассажировъ разсадили въ столовой, и докторъ, быстро обходя ихъ, пробовалъ у каждаго пульсъ и смотрѣлъ языкъ.

Мишѣ ужасно все время хотѣлось разсмѣяться. Да и взрослые невольно улыбались.

По окончаніи осмотра, пароходъ снова снялся съ якоря и двинулся въ нагасакскую бухту.

Она со всѣхъ сторонъ окружена горами, вершины которыхъ покрыты лѣсомъ. По склонамъ и у подножья горъ— обработанныя поля и деревушки. Въ глубинѣ залива, на днѣ котловины, виденъ самый городъ, — черныя черепичныя крыши, сѣроватыя стѣны, очень мало зелени, совсѣмъ не видно, какъ въ нашихъ городахъ, колоколенъ и церквей.

Высоко надъ городомъ, на вершинѣ округлаго холма, бѣлѣетъ зданіе французской школы, правѣе высматриваютъ изъ зелени дома—дачи немногихъ, живущихъ въ Нагасаки европейцевъ. По другой сторонѣ залива красными глыбами лежатъ зданія заводовъ, доковъ, мастерскихъ. Оттуда несется грохотъ молотовъ, визгъ желѣза, скрипъ блоковъ. Изъ трубъ валитъ тяжелый черный дымъ.

— Тамъ строятъ пароходы,—говоритъ Судзуки,—огромнѣйшіе океанскіе пароходы.

Сотни легкихъ подвижныхъ лодокъ уже окружили пароходъ. Лодочники гребутъ, стоя, однимъ весломъ, прикрѣпленнымъ позади лодки. Они громко кричатъ, предлагая свои услуги, заывая къ себѣ пассажировъ.

Бабушка сначала ни за что и слышать не хотѣла садиться въ одну изъ этихъ вертлявыхъ скорлупокъ.

— Онъ насъ утопитъ, непременно утопитъ... Мэри, ты,

какъ хочешь, а я остаюсь на пароходѣ. Я лучше поѣду назадъ.

Съ превеликимъ трудомъ удалось ее наконецъ уговорить. Но всю дорогу до пристани она вскрикивала и хваталась руками за будочку въ лодкѣ. А лодочникъ, нагибаясь и откидываясь блестящимъ отъ пота туловищемъ — на немъ были надѣты только короткіе штаны — улыбался и ласково кивалъ головой.

Марія Михайловна рѣшила сегодня же выѣхать по желѣзной дорогѣ дальше, въ Кобе. Но поѣздъ отходилъ только въ одиннадцать часовъ вечера и — волей-неволей — пришлось пока остановиться въ гостинницѣ.

Въ гостинницу добрались на рикшахъ — на легонькихъ двухколесныхъ телѣжкахъ, запряженныхъ людьми. Мишѣ ужасно совѣстно было садиться первый разъ на рикшу.

Эти двуногія лошади понимали по англійски и, даже, нѣсколько словъ по русски. И, какъ только имъ сказали:

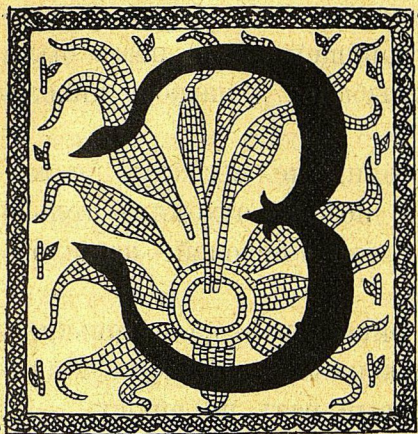
— Гостинница, отель.

Они закивали головами и помчались по на-диво чистенькой набережной, обсаженной сосенками, свернули въ боковую улицу, поднялись на горку и разомъ остановились передъ дверями небольшой гостинницы, тяжело переводя духъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Кольца.

А высокой чугунной рѣшеткой, въ большомъ старомъ домѣ моей бабушки по воскресеньямъ собирались гости.

Все парадныя комнаты ярко освѣщены. Тяжелыя люстры, высокіе бронзовые канделябры съ черными неграми и амурами горятъ бѣлыми свѣчами.

Ихъ хрустальная бахрома тихо звенить и поблескиваетъ радужнымъ свѣтомъ. Большія зеркала, бѣлыя колонны; за ними— глубокая ниша, заставленная пальмами и душистыми цвѣтами. Среди нихъ лучатся тонкія струйки фонтана, отражаясь въ бездонной глубинѣ большихъ зеркалъ.

Маленькая тоненькая дѣвочка въ бѣломъ платьѣ, съ кудрявой свѣтлой головкой, какъ зачарованная, не можетъ выйти изъ полосы отраженій. Ей и страшно, и весело. Она то затаится у стѣны самой далекой комнаты и оттуда едва можетъ узнать себя въ крошечной бѣлой фигуркѣ, то пробѣжить, зажмурясь, по всемъ заламъ и опять вырастаетъ въ настоящую дѣвочку. Она скачетъ и кружится до усталости, потомъ бѣжитъ къ фонтану, гдѣ ее ждутъ прислужницы, такія же, какъ она, отраженные въ водѣ бѣлыя дѣвочки.

Рядомъ съ залой, въ маленькой диванной, въ глубокомъ

креслѣ сидитъ нарядная бабушка въ бѣломъ чепчикѣ съ кружевными рюшами и въ ожиданіи гостей тихо вяжетъ бѣлымъ толстымъ крючкомъ мягкую шерсть. У ея ногъ на своей любимой подушкѣ, вышитой блеклыми шелками, сѣла, прислонясь къ ея колѣнямъ, уставшая отъ бѣганья, затихшая дѣвочка.

Тонкая рука бабушки, вся въ дорогихъ кольцахъ, нѣжно гладитъ горячую свѣтлую головку.

— Леночка милая, ты слишкомъ много бѣгаешь, — такъ нельзя.

Леночка не слушаетъ бабушку. Она притянула къ себѣ ея руку и тихо перебираетъ и разсматриваетъ на ней свои любимыя кольца. Она давно хорошо знаетъ исторію каждаго изъ нихъ. Она знаетъ, что это не просто золотыя вещи, а живыя, веселыя и страшныя сказки.

Вотъ это, съ большимъ синимъ камнемъ изъ-за синихъ морей привезъ дѣдушка. На него напали разбойники по дорогѣ, хотѣли отнять камушекъ, но дѣдушка былъ сильный и храбрый, побѣдилъ разбойниковъ и довезъ его благополучно до бабушки. Оно волшебное. Когда бабушка надѣваетъ его — ей всегда становится весело, и всѣмъ другимъ весело вокругъ.

Красивая змѣйка съ блестящими зелеными глазками, — это мудрость. У бабушки былъ очень умный другъ, когда она была молодой, это было его кольцо, онъ подарилъ его бабушкѣ, — и съ тѣхъ поръ она стала тоже умной, все знаетъ, все понимаетъ и даже знаетъ часто впередъ, что будетъ.

— Бабушка! и у меня будетъ такая змѣйка?

— Будетъ, дѣвочка. Я подарю тебѣ всю, когда выростешь.

Черный тюльпанъ на свѣтлой дощечкѣ былъ очень страшный. Онъ прежде приносилъ смерть. Пра-прадѣдушка первый сталъ носить его, и его за это убили. И всѣхъ другихъ, кому онъ доставался, — тоже убивали.

Кольцо съ маленькимъ ящичкомъ открывается. Въ немъ лежатъ связанные свѣтлые волосики. Бабушка плакала, когда смотрѣла на нихъ.

— Эти волосы похожи на твои, Леночка,—говорила она, и Леночкѣ тоже хотѣлось плакать.

Было еще одно очень простое кольцо: плетеная коска. Когда нарождается мѣсяць, его нужно увидеть въ первый разъ съ правой стороны, держа эту коску въ рукѣ и говоря молитву—тогда всегда будешь богатой.

— А коска тоже у меня будетъ?

— И коска будетъ. И ее подарю тебѣ, моя внучка.

Матовая, переливающаяся жемчужина, какъ крупная слеза,—ее достали на морскомъ глубокомъ днѣ такіе люди, которые могутъ жить и въ водѣ. Она очень добрая. Когда бабушка больна—жемчужинкѣ жаль ее, она всю ея болѣзнь беретъ на себя и становится больной, мутной, а бабушка—здоровой и веселой.

— А гдѣ мои любимые часики, бабушка?

Это были совсѣмъ особенные часики: маленькая луковка съ голубыми и бѣлыми горящими камушками.

На островѣ среди океана жила прекрасная царевна. Къ ней пріѣхалъ красивый принцъ и сталъ играть на арфѣ. Его музыка такъ понравилась царевнѣ, что она сняла съ себя эти часики и приколола ихъ на грудь принцу. Другіе придворные музыканты стали завидовать ему и убили его за это, и часики еще долго странствовали, пока не дошли до бабушки.

Леночка задумалась.

— И мнѣ дастъ царевна такіе часики? Будутъ-ли и у меня змѣйка, коска, жемчужинка?...

Стали собираться гости и родные бабушки. Леночку всѣ знали, любили и ласкали. Толстый дядя Петя нѣсколько разъ высоко поднималъ ее надъ своей головой. Ей было весело летать надъ всѣми, и она, зажмурившись, тихо просила: Еще! еще!

На большихъ серебряныхъ подносахъ разносили чай въ розовыхъ полосатыхъ чашечкахъ. Стало шумно. Около большого рояля собрался цѣлый хоръ,—пѣли красиво и стройно.

Леночкѣ вдругъ стало скучно, и она пошла опять въ свое волшебное царство. Въ гостиной было пусто и привольно. Большой коверъ, почти во всю комнату, манилъ къ себѣ. Онъ былъ весь въ клѣточкахъ, и въ каждой изъ нихъ были вышиты яркіе душистые цвѣты. Это былъ большой цвѣточный лугъ, и окружалъ его густой непроходимый красный лѣсъ—бордюръ,—такой широкій, такой густой, что пройти черезъ него было невозможно.

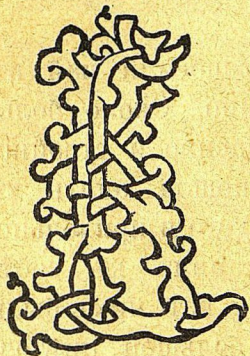
Леночка сдѣлала страшный прыжокъ и очутилась среди цвѣтовъ. Она, какъ бабочка, порхала съ цвѣтка на цвѣтокъ, лежала, каталась по нимъ. До нея доносилась музыка и пѣніе. Она—царевна, сладко спитъ среди цвѣтовъ и ждетъ принца. Онъ спасетъ ее изъ цвѣточного плѣна, перенесетъ черезъ дремучій лѣсъ.

Она живетъ въ заколдованномъ замкѣ, у нея много волшебныхъ колець и камней... Ее всѣ любятъ, она все знаетъ... Фонтанныя бѣлыя прислужницы... кольца, бабушка... Она тихо спала, свернувшись бѣлымъ клубочкомъ на лугу среди душистыхъ цвѣтовъ.

Е. Якишъ.

Современникъ А. С. Пушкина.

Ъ Псковской губерніи, въ деревнѣ Богомолахъ, недалеко отъ Святыхъ Горъ и Михайловскаго, живетъ древній старикъ Иванъ Павловъ — современникъ Александра Сергѣевича Пушкина, хорошо помнящій поэта.

Лѣтомъ въ 1907 году, побывавъ въ Михайловскомъ и въ Тригорскомъ,—въ уголкахъ, тѣсно связанныхъ съ именемъ великаго поэта, я заглянулъ и въ Богомолы, чтобы повидать Ивана Павлова и пораспросить его объ Александрѣ Сергѣевичѣ.

Богомолы—деревушка маленькая, въ нѣсколько плохенькихъ, покосившихся избушекъ. Въ одной изъ нихъ я и разыскалъ Ивана Павлова. Въ избѣ было страшно жарко, топились русская печь, и отъ густого ѣдкаго дыма слезились глаза, и сразу трудно было что-нибудь разобрать. Какая-то старуха хлопотала съ ухватами у печки, передвигая тяжелые чугуны.

— Здравствуйте, — поздоровался я, — Иванъ Павловичъ дома?

Старуха бросила хватъ и засуетилась.

— Дома, дома, кормилецъ, гдѣ же ему больше быть? Выдь-ка сюда, выдь скорѣе,—кликнула она кого-то изъ темнаго угла.

Иванъ Павловъ, несмотря на свой столѣтній возрастъ, выглядѣлъ довольно бодро: зубы у него всѣ цѣлы, на головѣ

цѣлая копна сѣдыхъ волосъ, въ глазахъ свѣтится живой огонекъ.

Мы вышли на крылечко.

— Вотъ, говорятъ, — началъ я, — что вы, дѣдушка, хорошо знали Александра Сергѣевича Пушкина?

— Какъ не знать, — отозвался старикъ, — очень хорошо даже зналъ, всѣ мы его тутъ знали въ то время.

— Расскажите что-нибудь, дѣдушка, о немъ...

— Да что-же рассказывать? Хорошій онъ былъ баринъ, царство ему небесное, — да и вся ихъ семья была такая, — этихъ господъ помяни Господи. Зналъ я Александра Сергѣевича хорошо—часто онъ здѣсь прогуливался; ходилъ попросту, въ рубахѣ, съ господами не вязался, на охоту не ѣздилъ, не бражничалъ, а крестьянство любилъ: для него крестьянинъ—душа. Съ просьбицей къ нему обращались, и отказа не было. Ребятишки лѣтомъ насобираютъ земляники, принесутъ на барскій дворъ продавать, а Александръ Сергѣевичъ заплатитъ деньги, да и ягоды ребятамъ назадъ отдастъ: кушайте, молъ, ребятки, деньги за нихъ все равно заплочены. Старцевъ Александръ Сергѣевичъ любилъ слушать, — старцами въ ту пору нищѣ назывались. Явится, бывало, на ярмарку, что въ Святыхъ Горахъ бываетъ, послушаетъ, какъ старцы Лазаря или другое что-нибудь божественное поютъ, подсядетъ къ нимъ, да и самъ подпѣвать начнетъ.

И крестьянство-то—мужики, его за эту простоту да сердечность крѣпко любили, — знали всѣ хорошо Александра Сергѣевича.

Старикъ замолчалъ и, глубоко вздохнувъ, задумался.

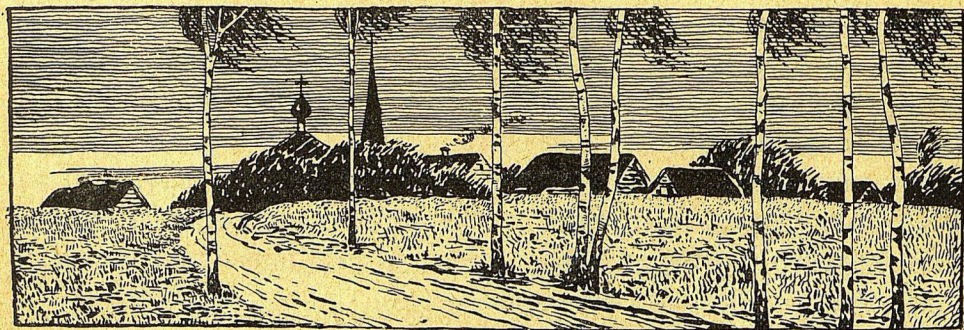
Задумался онъ, быть можетъ, о тѣхъ далекихъ, прошлыхъ, невозвратно минувшихъ годахъ, когда самъ онъ былъ молодъ, силенъ и полонъ жизни. А, можетъ быть, думалъ онъ

объ Александрѣ Сергѣевичѣ, о добромъ, душевномъ „Михайловскомъ баринѣ“, который сумѣлъ оставить о себѣ въ сердцахъ современниковъ такую свѣтлую память. Вѣдь тогда, въ дни жизни поэта, Иванъ Павловъ навѣрное не зналъ, чѣмъ являлся Пушкинъ для Россіи, да врядъ ли зналъ онъ это и теперь. А любилъ онъ Александра Сергѣевича, какъ добраго, отзывчиваго человѣка.

Припекало солнышко, возились съ задорнымъ чириканьемъ подъ застрѣхой воробьи. Нетерпѣливо позвякивалъ колокольчикъ. Я распрощался со старикомъ и, подъ лай вынырнувшихъ откуда-то исхудалыхъ съ всклокоченною шерстью собакъ, покотилъ по пыльной проселочной дорогѣ среди широкихъ ржаныхъ полей.

Евгеній Шведеръ.

Летучая мышь.

(Окончаніе).

ЧѢМЪ вызваны страшные рассказы о летучихъ мышахъ— совершенно непонятно, но рассказы эти сложились еще въ глубокой древности. Древніе греки и римляне боялись этихъ ночныхъ мышей и считали ихъ предвѣстниками бѣдъ. По всей вѣроятности, летучая мышь вызываетъ жуткое чувство потому, что появляется только въ темнотѣ и не любитъ солнца, яркій свѣтъ котораго одинъ разгоняетъ всѣ ночные страхи. Сами же летучія мыши существа, вполнѣ безобидныя для человѣка. Кусаются и царапаются, только когда ихъ хватаютъ, а потомъ скоро дѣлаются ручными. Прирученная мышь привязывается къ человѣку, узнаетъ его и беретъ пищу изъ рукъ. Одинъ мальчикъ такъ приручилъ летучую мышь, что та летала за нимъ по комнатамъ и когда мальчикъ схватывалъ муху, то она сейчасъ же садилась къ нему на руку и выхватывала їду. О другой ручной мыши рассказываютъ, что она, ласкаясь, лизала руку хозяина и любила, когда онъ гладилъ ее по шерсти. Летучія мыши очень сообразительны и память у нихъ прекрасная. Съ ночныхъ полетовъ онѣ всегда возвращаются на одно и то же, почему-нибудь облюбованное ими мѣсто и для зимняго сна постоянно выбираютъ самыя удобныя помѣщенія.

Когда кончается ночь, утомленная охотой летучая мышь привѣшивается куда нибудь когтями заднихъ ногъ внизъ головой или заползаетъ въ щель. Также подвѣшивается она и во время летанія, когда устанетъ, и ей захочется отдохнуть.

Не всѣ летучія мыши летаютъ одинаково хорошо, потому что крылья не у всѣхъ одинаковыя. Мыши съ длинными крыльями летаютъ лучше, чѣмъ съ широкими. Въ Германіи, напримѣръ, живетъ порода рано вылетающихъ летучихъ мышей. Вылетаютъ онѣ подь вечеръ и часто вьются съ ласточками. Нѣкоторыя же мыши летаютъ очень медленно, очень невысоко и неровно, въ родѣ нашихъ куръ. Летаютъ различно, но устаютъ летучія мыши всѣ одинаково скоро. Ни летать долго, ни парить въ воздухѣ, какъ птицы, онѣ совсѣмъ не могутъ, потому что кости у нихъ не птичьи, безъ всякой пустоты внутри, и нѣтъ у нихъ ни крыльевыхъ, ни хвостовыхъ перьевъ, и нужно имъ, чтобы летѣть, постоянно ударять своими перепончатыми крыльями. Это очень утомительно, и летучая мышь должна часто отдыхать. Устанетъ—привѣсится къ какой-нибудь вѣткѣ или карнизу, отдохнетъ и полетитъ дальше.

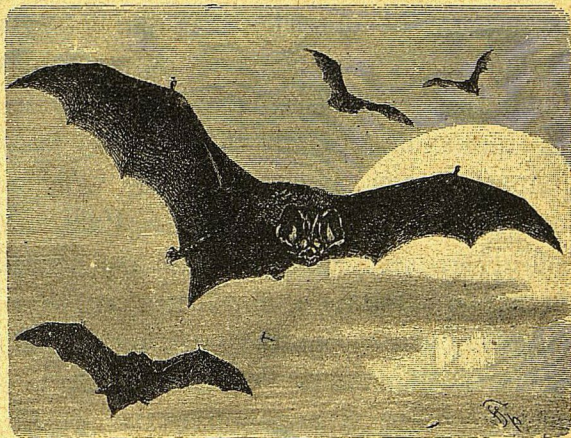
На зиму летучія мыши отыскиваютъ для себя какое-нибудь теплое и темное укромное мѣстечко, забираются въ пещеры, въ погреба или на чердаки, поближе къ дымовой тепловой трубѣ. Подвѣсившись на заднихъ ногахъ внизъ головой, онѣ засыпаютъ. Озябнуть—проснутся. Пошевелиятся немного, чтобы согрѣться и совсѣмъ не замерзнуть. Отойдутъ и опять заснутъ. Но всетаки за зиму ихъ замерзаетъ довольно много, и когда пригрѣетъ весеннее солнышко, оживаютъ послѣ зимняго сна далеко не всѣ.

Летучія мыши умѣютъ не только летать, онѣ могутъ бѣгать и ползать по землѣ. Бѣгаютъ онѣ довольно неуклюже и ползаютъ тоже съ трудомъ. Зацѣплятся за что-нибудь острымъ когтемъ большого пальца и передвинутъ заднія ноги, а огромныя крылья волочатся по землѣ, мѣшаютъ. Вотъ почему и не любятъ летучія мыши ни бѣгать, ни ползать, и земли из-

бѣгаютъ. Съ земли имъ и подняться трудно. Долго прыгаетъ летучая мышь, прежде чѣмъ поднимется на своихъ огромныхъ перепончатыхъ крыльяхъ. Совсѣмъ иначе выходитъ все это у нея, когда она вылетаетъ прямо съ высоты. Тамъ она только бросится внизъ головой, и уже готово — полетѣла.

Дѣтенышей у летучей мыши бываетъ отъ одного до двухъ, никогда больше. Новорожденные дѣтеныши пресмѣшны. Рыльце широкое, ротъ до ушей. Мать кормитъ ихъ своимъ молокомъ и очень нѣжна съ ними; таскаетъ ихъ всюду за собой, присосавшихся къ ея груди. И носить ихъ такъ очень долго, пока они совсѣмъ не выростутъ и не научатся сами хорошо летать.

Летучія мыши.

Летучія мыши живутъ повсюду, во всѣхъ странахъ, но особенно много ихъ тамъ, гдѣ жарко: въ Италиі, въ Греціи и Испаніи онѣ вылетаютъ по вечерамъ тысячами, а въ Индіи, гдѣ народъ считаетъ ихъ священными, онѣ просто затемняютъ воздухъ. И въ лѣсахъ рѣютъ, и въ садахъ; носятся по городскимъ улицамъ, тучами стоятъ надъ маисовыми и рисовыми полями, гдѣ особенно много насѣкомыхъ. И чѣмъ жарче страна, тѣмъ разныхъ породъ летучихъ мышей больше. Одинъ видъ вылетаетъ раньше, другой позднѣе. На островѣ Целебесѣ есть мыши, раскрашенныя, точно клоуны. Головы

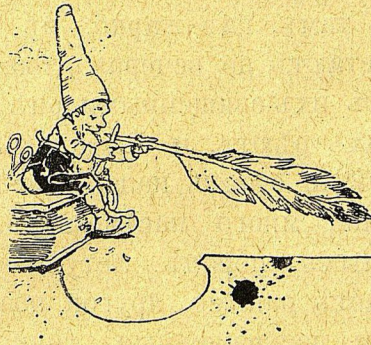

и туловище у нихъ красныя, крылья зеленыя, а уши и рыльце желтыя, какъ сѣра. У насъ летучія мыши похожи на наши сѣрыя сумерки. Сѣроватыя, коричневатая, черноватая, онѣ темными призраками выдѣляются, пока темнѣетъ, а когда настанетъ ночь, то совсѣмъ сливаются съ нею.

Всего удивительнѣе кажется въ нихъ то, что, имѣя крылья, въ которыхъ отказано человѣку, онѣ не признаютъ солнца, самаго лучшаго и самаго прекраснаго изъ всего, что дано всѣмъ крылатымъ и безкрылымъ на землѣ.

Происхожденіемъ своимъ летучая мышь можетъ гордиться по праву: она необыкновенно древняго рода. Родоначальникъ ея жилъ еще до потопа. Назывался онѣ птеродактиломъ, а по-нѣмецки „Flugfinger“, что значитъ „летающій палецъ“. Эти птеродактилы давно вымерли, но по найденнымъ въ землѣ окаменѣlostямъ, видно, что они очень походили на нашихъ летучихъ мышей. У этихъ первыхъ летающихъ млекопитающихъ были и перепончатая крылья, и длинныя руки, и на большомъ пальцѣ коготь, которыми животное это цѣплялось во время лазанья. Нѣтъ ничего удивительнаго, что отъ такого родоначальника получилось странное и таинственное созданіе:—ни птица, ни звѣрь—наша летучая мышь.

К. Соколовъ.

Приключенія Алисы въ странѣ чудесъ.

(Продолженіе).

Я могу рассказать вамъ мои приключенія, начиная съ сегодняшняго утра, — немного робко произнесла Алиса. — Про вчерашнее не стоитъ говорить, потому что я была вчера совсѣмъ другой.

— Объясните все это подробно, — сказала Черепаха изъ телячьей головки.

— Нѣтъ, нѣтъ! Сначала расскажите про приключенія, — заявилъ Гриффъ нетерпѣливо: — объясненія всегда берутъ такъ ужасно много времени. —

И Алиса начала рассказывать имъ про свои приключенія, начиная съ той минуты, когда она впервые увидала Бѣлаго Кролика. Сначала она немного волновалась и испытывала нѣкоторое безпокойство, такъ какъ оба ея собеседника пододвинулись къ ней вплотную съ двухъ сторонъ и раскрыли непомѣрно широко и глаза и рты, но, по мѣрѣ того, какъ рассказъ подвигался, она совершенно успокоилась. Слушатели ея не обнаружили никакихъ признаков волненія, пока она не дошла до того мѣста въ рассказѣ, гдѣ она хотѣла сказать Червяку: „*Горитъ востокъ зарею новой*“, а у нея всѣ слова вышли совсѣмъ другими. Тутъ Черепаха изъ телячьей головки продолжительно вздохнула и произнесла:

— Это въ высшей степени удивительно!

— Въ ея рассказѣ все сплошь удивительно, — замѣтилъ Гриффъ.

— Все вышло совсѣмъ по другому, — задумчиво повторила Черепаха изъ телячьей головки. — Мнѣ хотѣлось бы, чтобы

она попробовала еще что-нибудь прочитать. Скажи ей.— Она посмотрѣла на Грифа, какъ бы полагая, что онъ можетъ больше оказать вліянія на Алису.

— Встаньте и повторите: „*Какъ нынѣ собирается вѣщій Олегъ*“, — сказалъ Грифъ.

— Какъ они однако умѣютъ распоряжаться и заставляютъ повторять уроки! — подумала Алиса. — Лучше было бы мнѣ прямо очутиться въ школѣ.

Однако она встала и начала читать наизусть стихи, но голова ея была такъ полна кадрилию Омаровъ, что она съ трудомъ сознавала, что говорить, и слова выходили дѣйствительно очень странныя:

— Какъ нынѣ собирается гордый Омаръ
Одѣться на зависть омарамъ
И, лучшую выбравъ изъ праздничныхъ
паръ,

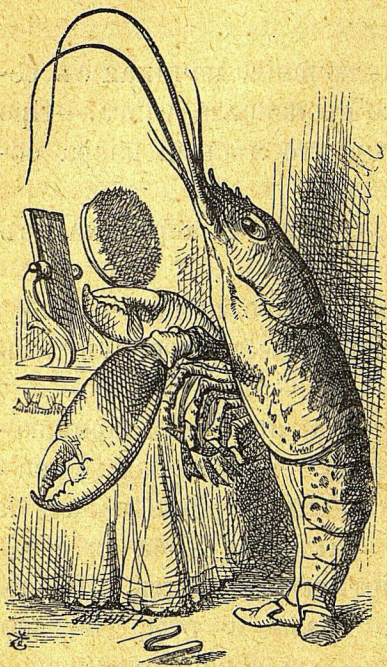
Прическу онъ дѣлаетъ съ жаромъ.
Клещами всѣ путовки онъ застегнулъ
И въ зеркало съ гордой улыбкой взглянулъ.

Онъ путь свой направилъ на берегъ мор-
ской,

По модѣ послѣдней одѣтый,
Туда, гдѣ на солнцѣ песокъ золотой
Сверкалъ и горѣлъ разогрѣтый.

— Далеко умчалась морская волна:
Теперь мнѣ Акула — и та не страшна!

Пусть смотреть всѣ рыбы! — Онъ легъ на песокъ,
Усами надменно поводитъ

И пучить глаза. Но приливъ не далекъ,
Кто плавать не любить—уходить.
Шумя, на песокъ набѣгаетъ волна,
Одна голова отъ Омара видна.

Совсѣмъ нашъ нарядный Омаръ ошалѣлъ
Отъ воднаго пѣннаго гула,
Въ волнахъ заметался и вдругъ проглядѣлъ,
Какъ сзади подкралась Акула.
— Ты самъ говорилъ: я тебѣ не страшна, —
И тихо Омара сглотнула она. —

— Я совсѣмъ иначе читалъ эти стихи, когда былъ ребенкомъ, — сказали Грифъ.

— И я ничего подобнаго прежде не слыхала, — подтвердила Черепаха изъ телячьей головки.

Алиса ничего не сказала. Она сѣла на землю и закрыла лицо руками, раздумывая о томъ, будетъ ли когда-нибудь все опять совершаться естественнымъ образомъ въ ея жизни.

— Мнѣ бы хотѣлось, чтобы она объяснила эти стихи, — сказала Черепаха изъ телячьей головки.

— Она не можетъ ихъ объяснить, — поспѣшно отвѣчалъ Грифъ, — пусть лучше скажетъ какое-нибудь другое стихотвореніе, ну хоть: „*Выхожу одинъ я на дорогу*“.

Алиса не посмѣла ослушаться, хотя чувствовала, что опять все будетъ невѣрно, и начала дрожащимъ голосомъ:

— Выхожу одинъ я на дорогу.
Сквозь заборъ мнѣ виденъ старый садъ.
Я невольно чувствую тревогу:
Кто они, что на скамьѣ сидятъ?
То пантера страшная съ совою,
И онѣ пирогъ подъ тѣнью ивъ
Раздѣлить должны между собою,
Но дѣлежъ не слишкомъ справедливъ:
Все пантера сгрызла безъ остатка:
Корку, тѣсто, мясо... вотъ встаетъ
И совѣ съ улыбкой самой сладкой
Лишь пустое блюдо отдаетъ.

Подъ конецъ (какое одолженье!)
Ей на память ложку отдала.
А сама безъ всякаго смущенья
Весь приборъ стащила со стола.
И сова, отъ голода блѣднѣя,
Стала пучить круглые глаза,
А надъ ними, вѣчно зеленѣя,
Старыхъ ивъ...

— Къ чему произносить всѣ эти нелѣпости? — перебила ее Черепаха изъ телячьей головки, — если вы даже объяснить не можете? Ничего болѣе дикаго я никогда не слыхала.

— Да, мнѣ кажется, вамъ лучше прекратить, — сказалъ Грифъ, и Алиса очень охотно это исполнила.

— Не попробовать ли намъ протанцовать еще какую-нибудь фигуру кадрили Омаровъ? — продолжалъ Грифъ, — или вамъ больше хотѣлось бы, чтобъ Черепаха изъ телячьей головки спѣла пѣсенку?

— О да, пѣсенку, если Черепаха изъ телячьей головки будетъ такъ добра, — отвѣчала Алиса съ такой поспѣшностью, что Грифъ произнесъ очень обиженно:

— Гм! О вкусахъ не спорять! Спой ей „Черепаховый супъ“. Ну что, споешь, старина?

Черепаха изъ телячьей головки глубоко вздохнула и начала прерывающимся отъ рыданій голосомъ:

— Вечерній супъ, вечерній супъ

Когда я былъ и малъ и глупъ,

Тебя варили мнѣ изъ крупъ.

И я, соя или насуп—

Ивъ брови, ѣлъ тебя, о супъ!

Ве-че-ерній су-упъ!

Ве-че-ерній су-упъ!

Су-упъ, су-упъ!

Супъ, супъ, супъ, супъ!

Вечерній супъ! пусть мнѣ дадутъ

Котлетъ и дичи цѣлый пудъ,

Компотъ, пирожное и пуд-
дингъ, ухищренья терокъ, ступъ —
Не измѣню тебѣ я, супъ!
Вечерній супъ, вечерній супъ!
Вече-ерній су-упъ!
Прекра-асный су-упъ!
Пре-кра-а-а-асный супъ!

— Хоръ повторяетъ!—крикнулъ Грифъ, и Черепаха изъ телячьей головки только что начала повторять, какъ вдругъ издали донесся крикъ:

— Судъ начинается!—

— Идемъ скорѣе!—крикнулъ Грифъ и, схвативъ Алису за руку, бросился бѣжать, не дожидаясь конца пѣсни.

— Что это за судъ?—спросила Алиса, запыхавшись отъ бѣга, но Грифъ отвѣтилъ только:

— Идемъ, идемъ!—и побѣжалъ еще быстрѣе, а вѣтерокъ, летя за ними, доносилъ все болѣе слабѣвшія, печальныя слова:

— Ве-че-ерній су-упъ!
Пре-кра-асный, пре-кра-а-асный супъ! —

ГЛАВА XI.

Кто укралъ пирожки?

Когда они прибѣжали, то червонные Король и Королева сидѣли на тронахъ, окруженные большой толпой всевозможныхъ маленькихъ птицъ и звѣрей, а также всею колодою картъ. Передъ ними стоялъ Валетъ въ цѣпяхъ, а по бокамъ его стража изъ двухъ солдатъ. Возлѣ Короля находился Бѣлый Кроликъ, съ трубой въ одной рукѣ и со свиткомъ пергамента въ другой. Посерединѣ стоялъ столъ съ большимъ блюдомъ сладкихъ пирожковъ. Видъ у нихъ былъ такой вкусный, что у Алисы слюнки потекли отъ одного взгляда на нихъ.

— Хорошо было бы, еслибы судъ скорѣе окончился,—подумала она,—и всѣмъ дали бы закусить. — Но, повидимому, на это была плохая надежда, и она стала осматриваться кругомъ, чтобы скоротать время. До тѣхъ поръ Алисъ никогда еще не случалось присутствовать на судѣ, но она читала о томъ, какъ судятъ, и ей было пріятно убѣдиться, что она знала названіе почти всего, что ее окружало.

— Это судья,—сказала она самой себѣ,—потому что у него такой большой парикъ.

Кстати, судьей былъ самъ Король, и такъ какъ корона у него была надѣта на парикъ (въ слѣдующей главѣ будетъ помѣщена картинка, на которой это будетъ изображено), то онъ чувствовалъ себя не совсѣмъ свободно, да и правда, это было не особенно удобно.

— А это скамья присяжныхъ,—подумала Алиса,—и эти двѣнадцать существъ, (она была принуждена назвать ихъ „существами“, потому что нѣкоторыя изъ нихъ были животныя, а другія—птицы), вѣроятно, присяжные.—Послѣднее слово она повторила раза два, три, ужасно гордясь имъ, такъ какъ думала, и вполне основательно, что очень многія маленькія дѣвочки ея лѣтъ никакого понятія объ этомъ словѣ не имѣютъ. Впрочемъ, „судейскіе люди“ могли бы отлично замѣнить его.

Всѣ двѣнадцать присяжныхъ очень озабоченно писали что-то на грифельныхъ доскахъ.

— Что это они дѣлаютъ?—спросила Алиса шепотомъ у Грифа.—Имъ, вѣдь, нечего записывать, пока судъ еще не начался.

— Они записываютъ свои собственные имена,—прошепталъ ей въ отвѣтъ Грифъ,—боятся, что забудутъ ихъ до окончанія суда.

— Что за глупости!—начала Алиса громко и съ негодо-

ваниемъ, но быстро сдержалась, потому что Бѣлый Кроликъ выкрикнулъ:

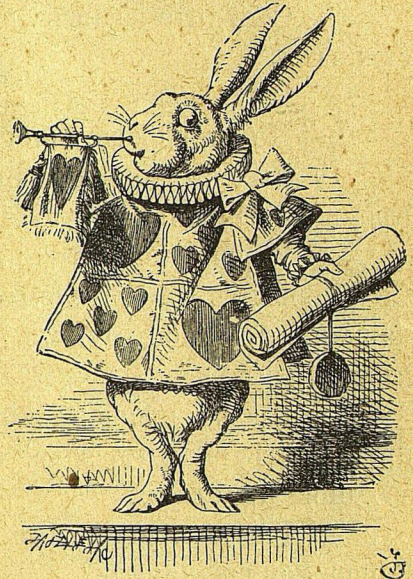
— Тихе, не шумѣть въ судѣ!—а Король надѣлъ очки, чтобы посмотреть, кто это заговорилъ.

Алиса видѣла, какъ будто смотрѣла сквозь спины присяжныхъ, что всѣ они писали на своихъ грифельныхъ доскахъ: „Какія глупости!“ и даже замѣтила, что одинъ не зналъ, какъ написать „какія“—и спросилъ у сосѣда.

— Вотъ-то путаница у нихъ будетъ на доскахъ, пока судъ кончится!—подумала Алиса.

У одного изъ присяжныхъ грифель скрипѣлъ. Этого Алиса вынести не могла, обошла скамью, стала сзади, и очень скоро ей удалось стащить грифель. Она сдѣлала это такъ быстро, что бѣдный маленькій присяжный (это былъ ящерица Билль) никакъ не могъ понять, куда дѣвался его грифель. Поискавъ его повсюду вокругъ себя, онъ былъ принужденъ писать все остальное время пальцемъ, что было довольно бесполезно, такъ какъ не оставляло слѣда на доскѣ.

— Герольдъ, прочитай обвиненіе!—сказалъ Король. Послѣ этого Бѣлый Кроликъ трижды протрубилъ въ трубу, а потомъ развернулъ пергаментъ и прочелъ слѣдующее:

Бѣлый Кроликъ трижды протрубилъ въ трубу.

— У червонной Королевы
Пирожки весь день пекли.
Прямо, сзади, справа, слѣва
Кипятили и толкли.
А червонный злой Валеть,
— Видно, совѣсти въ немъ нѣтъ—
Всѣ сто тридцать пирожковъ
Утащилъ—и былъ таковъ.

— Обсудите вашъ приговоръ, — сказалаь Король при-
сяжнымъ.

— Нѣтъ еще, нѣтъ еще!—быстро перебилъ его Кроликъ.

— До этого еще многое должно быть.

— Вызови перваго свидѣтеля,—сказаль Король, и Бѣлый
Кроликъ, трижды протрубивъ въ трубу, выкрикнулъ:

— Первый свидѣтель!—

Первымъ свидѣтелемъ былъ Шляпникъ. Онъ пришелъ съ
чашкой въ одной рукѣ и съ кускомъ хлѣба съ масломъ—
въ другой.

— Прошу прощенія, ваше величество,—началь онъ,—что
притащилъ все это сюда, но я не кончилъ пить чай, когда
за мной прислали.

— Вы должны были бы кончить, — сказалаь Король. —
Когда же вы начали?

(Продолженіе слѣдуетъ).

Рѣшеніе народныхъ загадокъ, помѣщенныхъ въ 15-мъ №.

42—Небо и звѣзды. 43—Ночь и день. 44—Тучи и молнія.

Рѣшеніе ребуса №. 6.

Игла служить, пока уши, а люди,—пока души.

Отъ конторы редакціи.

1. Рукописи, присылаемыя въ редакцію, должны быть четко написаны и снабжены подробнымъ адресомъ автора. Принятые рукописи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются.

2. Лица, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, прилагаютъ 7-ми копѣчную марку для отвѣта.

3. Заявленія о неполученіи номера адресуются непосредственно въ редакцію и не позже полученія слѣдующаго №.

Несвоевременныя требованія пропавшихъ №№ редакція удовлетворять не можетъ.

4. Заявленія о перемѣнѣ адреса посылаются непосредственно въ редакцію, при чемъ необходимо указать и старый адресъ. При перемѣнѣ петербургскаго адреса на петербургскій или иногороднаго на иногородный уплачивается 20 коп., а при перемѣнѣ петербургскаго на иногородній или иногороднаго на петербургскій уплачивается 40 коп. До полученія денегъ, контора продолжаетъ высылать журналъ по старому адресу.

5. Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., и 3-й р. къ 1-му Мая.

6. Желающіе получить рукопись обратно должны присылать почтовые марки для отсылки рукописи заказной бандеролью. Простой бандеролью или на свой счетъ редакція рукописей не отсылаетъ.

Редакція открыта для личныхъ переговоровъ по субботамъ отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ.

Открыта подписка на 1909 годъ

на иллюстрированный дѣтскій журналъ

4-й годъ
изданія

ТРОПИНКА

24 нр.
въ годъ

Журналъ выходитъ **1** и **15** каждыяго мѣсяца въ **2—3** печатныхъ листа и предназначается для дѣтей средняго возраста.

Въ журналѣ будутъ помѣщаться повѣсти, рассказы, стихи, театральныя пьесы, статьи научно-образовательнаго характера, ребусы, шарды и загадки.

Въ литературномъ отдѣлѣ принимаютъ участіе:

К. Бальмонтъ, А. Бахтіаровъ, М. С. Безобразова, А. Блокъ, Л. Бѣльскій, О. Бѣляевская, Л. Василевскій, З. Венгерова, А. Вережниковъ, Е. Волочкова, И. Гиндбургъ, З. Гишнусъ, С. Городецкій, Ф. Домбровский, О. Дымовъ, Е. Елеонская, К. Ельцова, Вячеславъ Ивановъ, Е. Ивановъ, А. Коваленская, И. Кондурушкинъ, С. Кондурушкинъ, проф. Н. Котляревскій, А. Купринъ, Кл. Лукашевичъ, Д. Маминъ-Сибирякъ, Н. Манасеина, Д. Мережковский, В. Малахѣва-Мировичъ, Н. Михайловъ, Ю. Насвѣтова, Л. Нелидова, Н. Новичъ, Э. Пименова, В. Поливановъ, А. Ремизовъ, проф. М. Ростовцевъ, М. Сабашникова, К. Соколовъ, Ф. Сологубъ, П. Соловьева, (Allegro), С. Соловьевъ, Евг. Соловьева, А. Н. Толстой (Мирза Тургень), В. Успенскій, Н. Шапиръ, Е. Шведеръ, К. Чуковский, О. Чюмина, Е. Юнге и мн. др.

Въ художественномъ отдѣлѣ участвуютъ:

И. Вилибинъ, Т. Гишнусъ, В. Замираило, Е. Кавось-Зарудная, Д. Кругликова, А. Ливдеманъ, А. Мурашко, М. Нестеровъ, П. Соловьева (Allegro), М. Сабашникова, Е. Чичагова-Россинская, Е. Юнге и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ пересылкой и доставкой **3** руб.,
на полгода **2** руб., за границу **5** руб.

Комплекты 1906 и 1907 гг. все разошлись.

Подписка принимается въ конторѣ журнала и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

ОТДѢЛЕНІЕ КОНТОРЫ: Москва, при конторѣ Печковской, Петровскія линіи.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ И КОНТОРЫ: С.-Петербургъ, площадь Маринскаго театра, № 6.

Телефонъ 297—55.

Редакторы-Издатели *Л. Соловьева и Х. Манасеина.*

